

**Королевский двор и муниципалитеты Франции в период
Первой гражданской войны (1560-1563 гг.)**

**La cour royale et les municipalités de la France
au temps de la première Guerre civile (1560-1563)**

Политика королевского двора в отношении муниципального руководства Франции во время Гражданских войн XVI в. пока недостаточно освещена в литературе. В основном авторов интересовали взаимоотношения короны и отдельных городов, поскольку последние зачастую играли самостоятельную роль в конфликтах и даже создавали прообраз конфедераций – «Пероннскую лигу» у католиков (1585 г.) и союз протестантских городов юга Франции (1570-е гг.)¹; отметим, что особенно преуспела в этом отношении англо-американская историография, сделавшая акцент на изучение эволюции религиозно-политических настроений в городской среде разных провинций². Отечественные авторы, начиная с И.В. Лучицкого, также внесли важный вклад в разработку этой проблемы, главным образом в части исследования форм самоорганизации городской общности, а также народных городских движений во время гражданских

¹ Constant J.-M. La Ligue. Paris, 1996. P. 122 - 125; Daussy Hugues. Un phénomène européen? Peut-on parler de «républiques calvinistes» en France dans la seconde moitié du XVIe siècle? // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени / Под ред. Г.Е. Лебедевой. Вып. 10. СПб., 2013. P. 130 – 148.

² См., например: Penny Roberts. City in conflict: Troyes during the French wars of religion. Manchester, 1996; K. Robbins. City on the ocean sea: La Rochelle, 1350 – 1650 : urban society, religion, and politics on the French Atlantic frontier. Leiden – N.-Y. – Köln, 1997; Cities and social change in Early modern France / Ed. P. Benedict. N.-Y., 2005; E. Tingle. Authority and society in Nantes during the French wars of religion, 1559 – 1598. Manchester, 2006.

войн, проанализировав социально-экономические причины развития гугенотского, и шире – протестного – движения во французских городах³.

Как подчеркивает Н.А. Хачатурян, на исходе средневековья «французские города... успели завоевать свое «место под солнцем», и королевская власть, обретая силу, была вынуждена считаться с ними и даже поощряла их роль на общегосударственном уровне. Во Франции сложилось в целом равновесное соотношение городов и центральной власти, подтверждая плодотворность взвешенных, без крайностей, форм развития»⁴. Корона без стеснения могла напрямую обращаться к городскому руководству большого или малого города, видя его полноценным партнером политического взаимодействия. Судя по корреспонденции, муниципалитеты также считали себя вправе напрямую писать к королю или членам его семьи, причем, по разным поводам. Собственно, сохранившаяся в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге (РНБ), хотя и очень немногочисленная переписка легла в основу нашей работы.

В XVI в. современники весьма четко разделяли города севера и юга страны, что было связано с незавершенностью процесса формирования единства французской нации, и, соответственно, хорошо ориентировались в формах обращения к адресатам в разных частях страны. Так, сестра последних королей из семьи Валуа Маргарита, королева Наваррская, в своих мемуарах, сравнивая названия должностей выборных городских советников

³ *Луцицкий И.В.* Феодальная аристократия и кальвинисты во Франции / Под ред. С.И. Луцицкой. СПб., 2011. Главы IV и V. С. 242 – 339; *Хачатурян Н.А.* Власть и общество в Западной Европе в средние века. М., 2008. С. 62 – 91; *Райцес В.И.* Аженская коммуна в 1514 г. СПб., 1994; *Уваров П.Ю.* Аженская коммуна в описании В.И. Райцеса // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 3: Человек внутри городских стен. Формы общественных связей / Под ред. А.А. Сванидзе. М., 2000. С. 141 – 165; *Трофимова О.В.* Города в гугенотском движении во Франции XVI века. Ярославль, 1983; *Молдавская М.А.* Большой мятеж 1529 г. в Лионе : из истории классовой борьбы во Франции // Средние века. Вып. 35. М., 1972. С. 75 - 93.

⁴ *Хачатурян Н.А.* Власть и общество в Западной Европе в средние века. С. 89.

во Фландрии, которых называет бургомистрами, пишет, что в «Гаскони они именуются консулами, а во Франции – эшевенами»⁵. Под Гасконью королева, и не только она, подразумевала весь юг и юго-запад страны – зону влияния римского права и традиций, особый, социально подвижный, не похожий на общепольский, городской мир⁶. Всего же во Франции того времени историки насчитывают порядка 240 различных городов и городков, с населением от 5 до 50 тысяч человек – т.н. «добрых городов»⁷. По словам П.Ю. Уварова, «чтобы какому-либо поселению получить право называться "добрым городом", ему надо было обзавестись надежной каменной стеной, представлять особо важную военную силу, быть достаточно богатым, являться резиденцией одного или нескольких судебно-административных учреждений, быть культовым центром, желательно обладать какими-то оформленными институтами самоуправления, ... участвовать в тех или иных [провинциальных или Генеральных] Штатах, то есть - быть "добрым городом"». ⁸ Согласно исследованиям Б. Шевалье, лишь 190 городов обладали своим полноценным выборным органом в конце XVI века – муниципалитетом, *corps de ville*⁹.

Институты самоуправления и муниципального представительства, конечно же, в разных местах весьма отличались друг от друга – по структуре, функциям, характеру и объему полномочий, самому процессу выборов; в

⁵ *Margaritha de Valua*. Мемуары. Избранные письма Документы / Изд. подг. В.В. Шишкин, Л. Ангар, Э. Вьенно. СПб., 2010. С. 126.

⁶ На деле юг Франции демонстрировал гораздо более широкий спектр наименований выборных городских депутатов: так, в Тулузе их называли капитулы (*capitouls*), в Бордо – жюраты (*jurats*).

⁷ *Wolfe M.* *Walled towns during the French wars of religion (1560 – 1630)* // *City walls: the urban enceinte in global perspective* / Ed. James D. Tracy. Cambridge, 2000. P. 318.

⁸ *Уваров П.Ю.* Города средневековой Франции // *Город в средневековой цивилизации Западной Европы*. Т. I: Феномен средневекового урбанизма / Под ред. А.А. Сванидзе. М., 1999. С. 70 - 71.

⁹ *Chevalier B.* *Les bonnes villes de France, du XIVe au XVIe siècle*. Paris, 1982. P. 81 - 82.

каждом городе было разным и число выборных эшевен-депутатов (четверо в Париже, двенадцать в Лионе, и т.д.), однако одно обстоятельство уравнивало все города вне зависимости от местоположения – регулярная выборность консулов, эшевен и советников, чьи полномочия, как правило, длились один или два года. Глава местного самоуправления – мэр (в Париже купеческий прево, старшина) – также менялся ежегодно. В ряде старинных городов, являвшихся опорой короля в деле собирания королевского домена, у монарха оставалось право назначать мэра из числа предложенных муниципалитетом кандидатур (в частности, в Сансе, Туре, Анжере, Труа, Бурже и др.). Муниципальное руководство выполняло функции и представительного, и судебно-исполнительного порядка, разделяя отдельные полномочия с чиновниками королевской администрации и церковью, и от его позиции в религиозном конфликте во многом зависели лояльность всего города и окрестностей. Однако далеко не всегда.

Мы располагаем небольшой, как отмечалось, но весьма показательной перепиской королевского двора с муниципальными советами, главным образом, Парижа, Ла-Рошели, Лиона, Марселя, Бордо. Под двором, или правильнее сказать, субъектами двора как властного института, в данном случае подразумеваем несовершеннолетнего на момент Первой гражданской войны Карла IX (1560 - 1574), его мать – регентшу Франции Екатерину Медичи, и членов их совета, отвечающих за внутреннюю политику, где главную роль с лета 1560 г. играл канцлер-миротворец Мишель де Лопиталь. В свою очередь, если посмотреть на перечисленные выше города, то становится очевидным, что все они обладали ко всему прочему военным и стратегическим значением, т.е. являлись самыми укрепленными городами страны¹⁰; и надо полагать, особое внимание короны к ним было не случайным.

¹⁰ *Wolfe M. Wallis towns during the French wars of religion (1560 – 1630). P. 319.*

Возвращаясь к вопросу степени влияния муниципалитета в городе (и зачастую в его окрестностях), нужно принимать во внимание, был ли он одновременно резиденцией губернатора провинции; в какой мере там были представлены административные и судебные институты, олицетворяющие королевский бюрократический аппарат, т.е. центральную власть, а также парламентские учреждения - т.е. региональные судебные палаты, охватывающие своей юрисдикцией несколько провинций, наконец, сословные структуры – штаты отдельных провинций, собирающиеся время от времени¹¹. Отдельную власть представляли многочисленные церковные институты, также обладавшие судебно-податными правами, наконец, университеты, с их широким самоуправлением. Большой город, как правило, имел епископскую или архиепископскую кафедру, что позволяло главе епархии использовать городские ремесленные и торговые корпорации для извлечения дополнительных доходов¹².

Как показала в своих исследованиях о городском чиновничестве времен Гугенотских войн Н.И. Алтухова (на примере г. Провена в Шампани, 1570-1580-х гг.), служащие государственной администрации, зависевшие от короля напрямую или опосредованно, заинтересованные в его покровительстве, не случайно именно в разгар войн становились все более многочисленными и влиятельными: таковыми являлись судейские – «люди правосудия», а также элю – окружные податные чиновники, равно как прокуроры, адвокаты, сборщики талей и иных податей, нотариусы, чиновники соляного ведомства, и др.¹³. Все они благодаря своему

¹¹ Властные институты и должности в Европе в средние века и раннее Новое время / Отв. ред. Т.П. Гусарова. С. 97 – 120.

¹² Что хорошо продемонстрировано на примере Реймса 1570-х гг. *Е.Н. Кирилловой*: Корпорации раннего Нового времени. Ремесленники и торговцы Реймса в XVI – XVIII вв. М., 2007. С.92 - 96.

¹³ *Алтухова Н.И.* Чиновники одного французского города (по «Мемуарам» Клода Атона) // Средние века. Вып. 75 (1-2). М., 2014. С. 107 – 133.

корпоративному духу, полномочиям и богатству, связям при дворе составляли реальную властную конкурентную среду муниципальным руководителям, находясь вместе с ними в едином городском пространстве. Вместе с тем, стоит вновь подчеркнуть, вслед за Н.А. Хачатурян, существование как минимум до середины XVI в. определенного политического равновесия, которое устраивало все властные субъекты публичного управления в городе.

Это равновесие во французских городах, однако, начало стремительно рушиться с началом Религиозных войн, когда ряд муниципальных глав принял сторону протестантского движения, в противовес королевской администрации, постоянно растущей, усиливающей налоговый пресс и волей-неволей ограничивающей степень их влияния и доходы. Постулаты министров Кальвина казались настоящим выходом из положения, поскольку обосновывали справедливость борьбы за свои права, перераспределение доходов и духовную независимость, накладываясь на апелляцию к золотому веку городских вольностей средневековья. Так, губернатор Ла-Рошели барон де Жарнак в декабре 1562 г. пишет Екатерине Медичи: *«Мэр, эшеваны и жители Ла-Рошели ... просили меня ходатайствовать перед Вашим Величеством относительно свободы совести для них, в чем их собираются притеснять, и относительно их торговли, в которой... им ставят помехи, отчего произойдет большое уменьшение доходов короля и большое ущемление для республики [города], потому что названный город и его купцы держатся только благодаря свободе торговли»*¹⁴.

Конечно, корона была заинтересована в стабильных городских доходах по разным причинам, и в частности, сама была активным заемщиком в условиях революции цен и хронического безденежья после Итальянских войн. Конечно, занимать можно было только у крупных и богатых городских

¹⁴ Документы по истории Гражданских войн во Франции. 1561 – 1563 гг. / Под. ред. А.Д. Люблинской. М. –Л., 1962. С. 202 – 203.

общин, что в условиях гражданской войны и угроз внешнего вторжения сделать было непросто. Например, под предлогом борьбы с англичанами, в июне 1563 г. Карл IX просил денег у парижского муниципалитета: *«Мы призвали нашего ... купеческого старшину нашего доброго города Парижа, ...изложив наше желание получить от него и от вас помощь в размере ста тысяч экю наличными, путем учреждения ренты на предложенных ему условиях возмещения указанной суммы»*¹⁵. Вообще, весь XVI век практиковались регулярные государственные займы, кратко- или среднесрочные, главным образом посредством Лиона, самого развитого торгово-банковского центра Франции, и его муниципалитета¹⁶. Ссуживая деньги королю или создавая благоприятные условия для кредита, муниципалитеты рассчитывали, конечно, и на политическое покровительство двора при чрезвычайных обстоятельствах. Характерное письмо в этой связи написали ко двору эшеваны Лиона, будучи вынужденными бежать из города, спасаясь от гугенотов.

Речь идет о событиях, которые начались в конце апреля 1562 года, когда подстрекаемые кальвинистскими пасторами протестанты Лиона, находившиеся в очевидном меньшинстве, захватили власть в городе, поддержанные отрядами печально знаменитого барона дез Адре¹⁷. Последний действовал, в свою очередь, по приказу одного из гугенотских лидеров - принца де Конде, который в июле отстранил от дел королевского генерального наместника графа де Со, назначив губернатором Лиона своего

¹⁵ Документы по истории Гражданских войн во Франции. С. 268 – 269. Письмо аналогичного содержания направила парижским эшеванам и Екатерина Медичи: *Lettres de Catherine de Medicis / Éd. H. de La Ferrière. Т. II. Paris, 1885. P. 53* (Оригинал хранится в РНБ: Отдел рукописей. Собрание П.П. Дубровского. Авт. 18, № 34).

¹⁶ *Ливе Ж.* Религиозные войны. М., 2004. С. 98.

¹⁷ Барон дез Адре прославился исключительной жестокостью по отношению к католикам. См.: *Констан Ж.-М.* Повседневная жизнь французов во времена Религиозных войн. М., 2005. С. 34 – 54, 142 – 143.

сторонника барона де Субиза, умеренного гугенота, вхожего ко двору¹⁸. Захват протестантами Лиона, второго по значимости города Франции, населенного на треть итальянскими купцами и банкирами, по сути – международного ярмарочного, банковского, мануфактурного и книгопечатного центра¹⁹ – произвел ошеломляющее впечатление на правительство Екатерины Медичи. Гугеноты начали методично грабить церковное имущество, что они делали и в других захваченных городах, равно как имущество богатых католиков²⁰. Под угрозой оказались будущие королевские займы, поскольку число семей, наделенных властью и обладающих значительным состоянием, т.е. потенциальных кредиторов двора – муниципальной олигархии – было не так велико: так, в 1558 г. клир Лиона не без иронии констатировал: «Вы, господа советники [фактически хозяева городского управления], кои все почти купцы... В городе нет и тридцати особ, кои могли бы надеяться на то, чтобы стать советниками»²¹.

Итак, семь бежавших в соседнюю Савойю лионских эшевенов-католиков 19 сентября 1562 г. в совместном письме сообщают королеве-матери, что их отъезд из города носит вынужденный характер, *«чтобы избежать нашего ареста, поскольку [барон де Субиз] и его совет постановили арестовать нас и [уже] исполнили это в отношении одного из*

¹⁸ Péricaud A. Notes et documents pour servir à l'histoire de Lyon sous le règne de Charles IX. 1560-74. Lyon, 1842. P. 25 - 26; Jouanna A., Boucher J. et als. Histoire et dictionnaire des Guerres de religion. Paris, 1998. P. 126.

¹⁹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV – XVIII вв. Т. 3: Время мира. М., 1992. С. 332 – 336.

²⁰ Брюне С. Кальвинистские консистории и муниципалитеты французского юга во время первых религиозных столкновений (1560-1562) // Религиозные войны во Франции XVI века. Новые источники, новые исследования, новая периодизация / Авт.-сост. Юг Досси, В.В. Шишкин. СПб., 2015. С. 139 -140; Daussy H. Le partie Huguenot. Chronique d'un désillusion. Genève, 2014. P. 328 -351.

²¹ Цит по: Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV – XVIII вв. Т. 2: Игры обмена. М., 1988. С. 472.

наших сочленов – эшевенов и большого числа жителей города, и все из-за подозрений по делам веры»²². Далее они объясняют Екатерине, что были не в состоянии принимать нужные решения, поскольку власть в муниципалитете захвачена гугенотами путем кооптации в совет дополнительных членов: «Мы увидели, что число советников, избранных не по обычному порядку в прошлом месяце мае, является большим, чем число нас, старых эшевенов, ...и что в итоге [дела за заседаниях] консулата, на которых мы вынуждены были присутствовать, решались по большинству голосов, согласно их [новых эшевенов-гугенотов] склонностям, и мы не могли помешать тем делам и решениям, которые казались нам неразумными»²³. Действительно, согласно требованиям Субиза, были «выбраны 12 [дополнительных эшевенов]- протестантов, чтобы быть судьями наряду с консулами, и чтобы отныне консулат проводил свои заседания только с участием этих новых советников»²⁴. Т.е. дополнительно к 12 старым эшевенам-католикам добавилось 12 новых эшевенов-гугенотов, выбранных «не по обычному порядку». Однако по какой-то причине трое из старых эшевенов отсутствовали в городе, что следует из того же письма, и еще один умер, в результате чего католики оказались в меньшинстве. Далее они жалуются на то, что их имущество было захвачено как самими протестантами, так и швейцарскими солдатами-наемниками из Берна, которые, с позволения тех, «кто управляет и командует сегодня в данном городе», ... «увели с собой большое количество мулов и телег, груженых товарами, принадлежащими многим купцам этого города, добрым католикам», и просят королеву найти

²² Документы по истории Гражданских войн во Франции. С. 154.

²³ *Périscaud A. Notes et documents pour servir à l'histoire de Lyon sous le règne de Charles IX. P. 26.*

²⁴ В Лионском архиве сохранились документы с их именами: <http://www.archives-lyon.fr/static/archives/contenu/old/fonds/bb/40.htm> (дата обращения - 8 апреля 2015 г.); *Périscaud A. Notes et documents pour servir à l'histoire de Lyon sous le règne de Charles IX. P. 26.*

способ вернуть конфискованное²⁵. Письмо было отправлено ко двору в сентябре, а немного позже новые власти аннулировали результаты выборов 1561 г., лишив старых эшевендов их мандатов, по причине «отъезда из города», объявив их «недостойными своих должностей»²⁶.

Судя по принятым двором ответным мерам, там было решено действовать одновременно политически и экономически: Екатерина Медичи и ее правительство не могли признать легитимность новых советников, однако вместе с тем были бессильны в деле силового восстановления законной власти. В духе веротерпимости Сен-Жерменского эдикта (январь 1562 г.) двор предпочел вести переговоры с гугенотским губернатором бароном де Субизом. Судя по ответному письму барона, королева-мать просила его удовлетворить просьбу бежавших эшевендов, однако Субиз переложил ответственность за все решения на новый городской консулат, дав понять, что командует только военными: *«Действительно, мадам, товары конфисковывались и ежедневно конфискуются для оплаты как швейцарцев, так и других солдат, но те, кто считает себя ограбленным, не могут ни в чем пожаловаться на меня, ибо я предоставил это городскому совету, не вмешиваясь сам ни в торговлю, ни в управление, ни в способы изыскания денег»*²⁷. Тогда двор принял решение осадить город и заставить гугенотов сдаться, однако Субиз, используя реквизированные средства, сумел наладить подвоз продовольствия и вооружения, и город выстоял перед королевскими войсками²⁸. Одновременно Карл IX своим решением перевел сбор

²⁵ Документы по истории Гражданских войн во Франции. С. 155.

²⁶ *Périscaud A.* Notes et documents pour servir à l'histoire de Lyon sous le règne de Charles IX. P. 34.

²⁷ Письмо от 20 октября 1562 г.: Документы по истории Гражданских войн во Франции. С. 171.

²⁸ Письма Сен-Шамона Екатерине Медичи от 30 ноября 1562 г. и Карла IX кардиналу Лотарингскому от 10 января 1563 г.: Документы по истории Гражданских войн во Франции. С 193, 216 – 217.

ярмарочных пошлин из Лиона в Шалон, что весьма чувствительно ударило по городским доходам, которые сократились в пять раз²⁹. Однако после подписания Амбуазского мира 19 марта 1563 г., обе стороны были вынуждены примириться.

Екатерина Медичи, мастер компромисса с позиции силы, настояла на возвращении по возможности церковного и светского имущества их прежним владельцам и обеспечила новый порядок выборов эшевенгов Лиона, согласно которому мест в городском совете у гугенотов осталось только четыре из 12³⁰. Тем самым вплоть до конца гражданских войн Лион оказался вне гугенотского влияния и позднее стал одним из центров Католической лиги³¹.

Подводя небольшие итоги, нельзя не заметить стремление двора во время первых религиозных потрясений поддержать и защитить лояльные муниципалитеты, отказываясь в тоже время признавать легитимность выборов городского руководства в случае, когда оно оказывалось в руках одной гугенотской партии и проходило с нарушениями обычной процедуры. Вместе с тем логика действий короны в 1561-63 гг. исходила прежде всего из того, что Франция и ее главные города были и должны оставаться опорой королевской власти, а городское руководство – быть главным проводником и инициатором миротворческой политики.

В.В. Шишкин, Институт истории Санкт-Петербургского
государственного университета

²⁹ *Hartley B.* War and tolerance: catholic polemic in Lyon during the French religious wars. Diss. Ph.D. Univ. of Arizona, 2007. P. 93 – 94.

³⁰ *Christin O.* Un Royaume en paix (1563 – 1567)? Tolérance, pacification et parité confessionnelle à Lyon // *Sociétés et Idéologies des Temps Modernes. Hommage à Arlette Jouanna / Textes rec. par J. Fouilleron, G. Le Thiec, H. Michel.* Montpellier, 1996. P. 310.

³¹ *Constant J.-M.* La Ligue. P. 275 – 278.

